
Глава II
НАУКА НАУК

Ответ на вопросы, которые оставляет без ответа философия, заключается в том, что они должны быть иначе поставлены.

Гегель

Йена была выбрана не случайно. Среди университетских городов тогдашней Германии не было другого места со столь интенсивной интеллектуальной и художественной жизнью. Славу Йенского университета приумножил Фридрих Шиллер, занявший в 1789 году должность профессора истории. На его вступительную лекцию собралось больше половины всех здешних студентов. В Йене Шиллер написал «Историю Тридцатилетней войны», «Письма об эстетическом воспитании», трилогию о Валленштейне.

С 1794 по 1799 год здесь преподавал Фихте. Немецкая реакция не могла простить Фихте революционных взглядов и ждала лишь повода, чтобы расправиться с профессором-вольнодумцем. Такой повод представился, когда в издававшемся Фихте совместно с Нитхаммером «Философском журнале» появилась атеистическая статья Карла Форберга «Развитие понятия религии». Сам Фихте не был атеистом, он не разделял взглядов Форберга на религию, однако счел возможным опубликовать его статью, снабдив ее своим предисловием. Так возник знаменитый «Спор об атеизме», в ходе которого против Фихте было выдвинуто обвинение в безбожии. Дело кончилось тем, что после официального выговора Фихте вынужден был покинуть Йену.

Фихте был возмущен до глубины души: его наказали за мнимый подрыв веры, да еще в государстве, где глава церкви Иоганн Готфрид Гердер безнаказанно излагает в печати философскую систему, которая так же похожа на атеизм, как «одно яйцо на другое». Речь шла о спинозизме, приверженцами которого был не только Гердер, но и его друг, министр Веймарского герцогства Гёте. Последний к тому же не скрывал своей антипатии к христианству. Евангелие он на-

зывал нелепицей. Добившись назначения Гердера на высокий церковный пост, он тут же разразился эпитаграммой, в которой сравнил своего друга с Христом: сын божий развезжал на одном осле, а Гердер будет иметь в своем распоряжении сто пятьдесят — это подчиненные суперинтенданту духовные лица. Гердер — священник; положение обязывает, и он пытается совместить пантеизм Спинозы с протестантским вероучением, правда, весьма далеким от ортодоксии. Бессмертие души, например, он понимает всего лишь как неуничтожимость и преемственность культуры.

Вокруг Гёте и Гердера сложился кружок единомышленников-вольнодумцев, наиболее радикальные из которых уже последовательно отстаивают материалистические идеи. Таков Август Айнзидель, который, впрочем, современникам был известен не своей литературной деятельностью, а нашумевшим любовным приключением. Он полюбил замужнюю женщину Эмилию Вертерн. Встретив взаимность, Айнзидель решился на рискованный шаг. Была инсценирована смерть Эмилии, уехавшей из Веймара, и ее похороны, а влюбленные отправились в Африку. Вскоре, однако, все выяснилось, и, когда через два года Айнзидель снова вернулся в Веймар, перед ним закрылись двери домов «высшего общества». Своих произведений Айнзидель никогда не публиковал, лишь давал переписывать Гердеру, в записях которого они и дошли до наших дней, впервые увидев свет в ГДР в 1957 году.

В более законченные формы выливалось творчество Карла Людвига Кнебеля. Это был поэт и философ, поклонник Эпикура, переводчик Лукреция, он входил в веймарский кружок, с которым не порвал, даже переселившись в Йену. Вообще Веймар и Йена — одно целое. Веймар — столица, Йена — университетский центр, езды из города в город несколько часов.

На рубеже столетий в Йене как бы в противовес веймарскому кружку гётеанцев возникает кружок романтиков. Его основатель и идейный вождь Фридрих Шлегель начал с увлечения революционными идеями. Разочарование наступило довольно скоро. Шлегель не мог, однако, примириться с деспотизмом, полицейским произволом, буржуазной прозой жизни. Это неприятие современности пробуждает у него интерес к прошлому, к немецкой национальной культуре, к Средним векам, а затем и к католической религии. Его интерес разделяют друзья — родной брат Август Вильгельм Шлегель, поэты Новалис, В. Вакенродер, Л. Тик. Их объединяют забота о судьбах личности («Только индивидум интересен», — говорит Новалис), ненависть к унылому миру

капиталистического стяжательства, вера в спасительную роль искусства. В сфере художественного творчества человек достигает подлинной свободы, и наиболее верное средство здесь — ирония, по словам Ф. Шлегеля, самая свободная из всех вольностей, которая позволяет человеку возвыситься даже над самим собой.

Другая сфера свободы — любовь. Требование эмансипации чувств занимало существенное место в программе романтиков. Фридрих Шлегель скандализовал обывателей историей своих отношений с женой банкира Фейт Доротеей. В конце концов их «свободная» любовь, описанная в повести Шлегеля «Люцинда», завершилась законным браком и совместным переходом в католичество. Еще более знаменательна судьба Каролины Михаэлис. Рано овдовев, она стала соратницей и другом Форстера в Майнце; после подавления республики попала в тюрьму, откуда ее вызволил Август Вильгельм Шлегель, ставший ее новым мужем. Третий ее муж — Шеллинг — закончил, как и Ф. Шлегель, религиозными исканиями.

Первоначально романтики ориентировались на философию Фихте, но затем их больше стало устраивать учение Шеллинга с его культом природы, искусства и религии.

На философском горизонте звезда Шеллинга взошла довольно рано. В 1798 году, двадцати трех лет от роду он становится экстраординарным профессором Йенского университета. Рано созревший как ученый, овеянный славой революционера в философии, блестящий оратор, автор толстых книг, он был кумиром студенчества. Набитая до отказа аудитория рукоплескала ему, и он держался как вождь направления.

Гегель радовался успехам друга и однокашника, которого со студенческой скамьи привык считать своим духовным руководителем, хотя Шеллинг был на пять лет моложе его. Приехав в Йену, Гегель поселился у Шеллинга. Не только личная симпатия, но и общность воззрений укрепляют узы дружбы. В первой опубликованной под своим именем работе Гегель выступает на стороне Шеллинга.

Работа называется «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга». Поводом для ее создания послужили заявления Рейнгольда о том, что Шеллинг лишь повторяет Фихте и что вообще в немецкой философии «революция окончена». Сколько раз, пишет Гегель, подобную фразу произносили во Франции как раз тогда, когда революция шла вперед. Что касается немецкой философии, то здесь еще все впереди. Начало положил Кант.

Для того чтобы схватить логику рассуждений Гегеля, нам придется вспомнить некоторые идеи «Критики чистого разума». В этом главном своем труде Кант взорвал господствовавшее на протяжении всей истории философии представление о пассивной, созерцательной природе познания. Именно он первым обратил внимание на «деятельную» сторону сознания, исследование которой Маркс считал основной заслугой немецкого классического идеализма. Человек смотрит на вещи через призму своей деятельности, сознание не только отражает мир, но и творит его — такова точка зрения материалиста-диалектика. Истоки этого взгляда у Канта. Человек, по Канту, имеет дело не с миром вещей самих по себе, а с миром явлений, в формировании которых важнейшая роль принадлежит самой познавательной способности.

Кант сравнивал себя с Коперником. Раньше, поясняет эту мысль Гейне, интеллект, подобно солнцу, вращался вокруг мира явлений и старался освещать их. Кант остановил интеллект и заставил явления вращаться вокруг него; они освещаются по мере вхождения в сферу этого солнца¹.

Другое не менее важное открытие Канта — вывод о неизбежности противоречий в познании. Разум человека пытается проникнуть в мир вещей самих по себе, но он с необходимостью при этом наталкивается на противоречия. Противоречие — признак заблуждения, таков традиционный взгляд, с которым Кант порвать не смог. Следовательно, делал вывод Кант, разум не в состоянии выполнить свою задачу.

Рассудок и разум — две различные сферы интеллекта, познания. Рассудок обрабатывает чувственные данные, сортирует их, раскладывает по полочкам научного мышления, придает им форму всеобщности. Это сфера естествознания. Разум — сфера философии, метафизики (в широком смысле этого слова), он призван установить внутреннюю связь между явлениями, познать абсолютную первооснову бытия, а это, по Канту, невозможно. «Кант превознес рассудок, но принизил разум. Если рассудок был рассмотрен разумно, то разум рассматривается рассудочно», — пишет о Канте Гегель, начиная свое первое философское исследование².

Фихте подхватил идею Канта об активности сознания. По словам Гегеля, он освободил кантовское учение от «досядающей непоследовательности» — вещи самой по себе. Перед человеком всегда только процесс и результаты его деятельности. Следовательно, рассуждает Фихте, основа сущего — субъект, «Я». Фихте по-новому подошел и к кантовской

проблеме противоречия. Для Канта противоречие — это препона, через которую не может пробиться разум, стремящийся к истине. Для Фихте противоречие — творческое начало, источник действия и развития. «Я» с неизбежностью переходит в свою противоположность — «Не-Я», затем они сливаются воедино. Здесь уже вырисовываются более четкие контуры диалектического мышления, чем у Канта.

Некоторые термины Фихте нуждаются в уточнении. «Толпа полагала, — пишет Гейне, — что фихтевское “Я” есть “Я” Иоганна Готлиба Фихте и что это индивидуальное “Я” отрицает все прочие существования. “Какое бесстыдство! — восклицали добрые люди. — Этот человек не верит, что мы существуем, мы, которые гораздо толще его и в качестве бургомистров и судейских делопроизводителей даже приходимся ему начальством”. Дамы спрашивали: “Верит ли он хотя бы в существование своей жены? Нет? И это спокойно терпит мадам Фихте!”»³

Но фихтевское «Я» совсем не есть индивидуальное «Я», а возвысившееся до сознания всеобщее, мировое «Я». Фихтевское мышление не есть мышление какого-то индивида, какого-то определенного человека, носящего имя Иоганн Готлиб Фихте; это, напротив, всеобщее мышление, проявляющееся в отдельной личности. Как говорят: «темнеет», «рассветает» и т. д., так и Фихте должен был говорить не «я мыслю», но «мыслится», и «всеобщее мировое мышление мыслит во мне».

Итак, для Фихте исходное начало не единичный человек, строго говоря, не «Я», а «Мы». Фихте недвусмысленно обращает внимание на это обстоятельство: «“Мы” как всецело ушедшая в понятие и в абсолютном забвении наших индивидуальностей слившаяся в единое мышление община... вот кто, желая мыслить и исследовать, именно об этом “Мы”, а отнюдь не о своем “Я” думал».

Но это не мешает философии Фихте быть субъективным идеализмом. Последний проявляется в том, что исходный момент для Фихте — беспредпосылочная деятельность субъекта. Фихте говорит о тождестве мышления и бытия, но носителем тождества выступает мышление, субъект.

В глазах Шеллинга тождество бытия и мышления предстает в ином виде, носителем тождества становится для него объективное начало. Шеллинг сохраняет принцип деятельности, развития, но переносит его в область природы. Это придает течению немецкой философской мысли новый, неожиданный поворот. Она вдруг обращает свои взоры к естествознанию, смыкается даже с материализмом.

В Германии есть своя давняя материалистическая традиция. Она уходит корнями в средневековые пантеистические учения, она питается идеями Спинозизма, народного вольнодумства и эмпирических наук. Молодой Шеллинг впитывает в себя эти влияния и однажды пишет стихотворение, в котором звучит вызов господствующим взглядам:

Одно я усвоил раз навсегда:
Кроме материи все ерунда.
Она нам верный друг и хранитель,
Всего, что только есть, прародитель.
Всех наших мыслей мать и отец,
Познания начало, незнания конец.

Но это всего лишь исключение. В целом Шеллинг строит идеалистическое учение и первое время старается затушевать свои разногласия с Фихте. Со временем они выходят наружу, между философами происходит обмен резкими письмами. Обосновывая свою правоту, Шеллинг ссылается и на работу Гегеля «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга».

В этой работе Гегель целиком на стороне объективного идеализма Шеллинга. Субъективный идеализм он подвергает критике, сопоставляя его с метафизическим, догматическим материализмом. И тот и другой страдают односторонностью: первый отрицает самостоятельное бытие объекта, второй — активность субъекта. Подлинная реальность — это единство субъекта и объекта, субъект-объект. У Фихте встречается подобный термин, но мы уже знаем: ведущую роль в его учении играет субъект. Поэтому Гегель подчеркивает, что Фихте конструирует «субъективный субъект-объект». Последний необходимо дополнить «объективным субъект-объектом». Сущее включает в себя оба начала, их порождает и порождается ими⁴.

«Различие между системами...» было закончено в июле 1801 года. Теперь Гегель мог заняться устройством своих академических дел. Для того чтобы получить право на чтение лекций в университете, ему предстояло пройти две процедуры — нострификацию и габилитацию. Первая означала признание философским факультетом Йены магистерской степени, присужденной Гегелю в Тюбингене. Это было несложно: предъявить диплом и уплатить 22 талера 20 грошей, которые должны были поделить члены ученого совета (по тогдашней терминологии — «члены факультета», их было семь человек). Габилитация состояла в проверке способностей соискателя как ученого и как лектора. Для этого нужно

было защитить диссертацию и прочитать пробную лекцию. Расходы — 2 талера 20 грошей («за цензуру диссертации и присутствие декана на диспуте»).

13 августа Гегель подал прошение о нострификации. Он хотел приступить к чтению лекций еще в зимнем семестре. Надо было спешить: в начале сентября каталог лекционных курсов уходил в типографию. Декан в циркулярном письме к членам факультета предлагал выдать соискателю разрешение на преподавание, ограничившись пробной лекцией и обязав его весной защитить диссертацию. Возражений против нострификации у членов факультета не было. Профессор Ульрих, который, видимо, в качестве цензора прочитал «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга», отозвался о Гегеле с большой похвалой. Старейшина факультета тайный камер-советник Зуков, как всегда, брюзжал: «Скоро у нас доцентов будет столько, сколько студентов. А господа швабы, кажется, эмигрируют сюда, чтобы на свой лад перестроить наш университет на третьем веку его существования». Но он тоже не возражал против внесения Гегеля в список докторов Йены (здесь магистр назывался доктором)⁵.

Единственно, что волновало членов факультета: достаточно ли обеспечен вюртембержец, не будет ли он претендовать на вспомоществование (оклад не полагался не только начинающим доцентам, но зачастую профессорам, так называемым экстраординарным, то есть внештатным). Преподаватели, правда, получали некоторые суммы от студентов, слушавших их лекции, но существовать на эти деньги было невозможно. Тот, кто намеревался избрать академическую карьеру, должен был располагать состоянием. Гегель заявил, что в его распоряжении имеется несколько тысяч гульденов, и просил поскорее допустить к работе. Факультет, однако, настаивал на соблюдении формальностей: пусть соискатель представит диссертацию. Ее следовало отпечатать в типографии, лично разнести членам факультета (рассылать не разрешалось!) и защитить. В оставшиеся августовские дни осуществить все это было невозможно.

Гегель подает новое прошение. Он пишет, что нострификация без права читать лекции для него лишена смысла, и просит допустить к преподаванию, обязуясь в течение месяца представить диссертационную работу. Снова циркулярное письмо декана. Оживленный обмен мнениями, и принято решение: пусть соискатель официально сообщит название диссертации, представит ее позднее, а пока что за-

щищает тезисы. Такое предусмотрено университетским уставом, и всего лишь полгода назад Ф. Шлегель аналогичным образом прошел габилитацию.

Гегель согласен. Он платит требуемую сумму, и 20 августа его имя вносится в матрикул философского факультета наряду с прочими докторами Йены. Через неделю — диссертационный диспут. Возникают трудности с оппонентами: время каникулярное, и в городе нет преподавателей. В третий раз декан обращается с циркулярным письмом: ему нужна санкция факультета на то, чтобы в качестве оппонентов были использованы учащиеся.

Это относится не только к диспуту Гегеля; кроме него, диссертации защищают доктора Швабе и Панснер. Они тоже готовят лекционные курсы на зимний семестр. Защита Гегеля назначена на день раньше Швабе и на два раньше Панснера. На этом основании, ссылаясь на устав, Гегель просит, чтобы его имя стояло в лекционном каталоге перед Швабе и Панснером. И четвертый раз — накануне диспута — пишется циркулярное письмо. Декан излагает претензию соискателя. На этот раз факультет решительно против: Швабе и Панснер воспитанники Йены, они подали свои диссертации раньше Гегеля и к тому же законченные работы, а не тезисы. Швабе даже успел прочитать пробную лекцию. Только один из профессоров настаивает на букве закона: Швабе имеет уже разрешение и его старшинство по отношению к Гегелю бесспорно, но Панснер, коль скоро защита его следует за гегелевской, должен и в списке преподавателей стоять за ним. Старейшина факультета (рано утром неожиданно умер Зуков, и его обязанности возложены на Хеннингса) еще до циркулярного письма изложил в специальном документе свою точку зрения: «Если господин доктор Гегель продолжает настаивать на своем, прошу Вашу светлость назначить на завтра диспут доктора Швабе, на пятницу диспут доктора Панснера, а на субботу диспут господина доктора Гегеля». Декан не меняет порядка защиты, но просьбу Гегеля отклоняет.

Итак, Гегель защищает «Предварительные тезисы диссертации об орбитах планет»⁶. Тезисов — двенадцать. Они написаны по-латыни и отпечатаны небольшой книжицей из пяти страниц и в соответствии с уставом розданы на факультете после воскресного богослужения. Их содержание посвящено не столько планетам, сколько общим философским принципам, в соответствии с которыми будет построен лекционный курс. Они охватывают широкий круг вопросов и сформулированы в виде парадоксов: их назначение

дать материал для спора. Впрочем, здесь уже намечены контуры будущей системы диалектики.

Вся суть в первом тезисе: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения». Речь, разумеется, идет не об отмене законов формальной логики. Никогда Гегель не считал, что понятие должно противоречить самому себе или эмпирическим данным. Принцип тождества верен, но недостаточен, если мысль намерена выразить развитие. И надо сказать, что Гегель здесь не оригинален. Он лишь повторяет то, что содержится в работах Шеллинга, где говорится о всеобщей противоречивости реальной действительности. В природе всюду противоположные силы, поэтому наука о природе должна основываться на принципе всеобщей двойственности. Истина не в принципе абсолютного тождества или абсолютного различия, истина — в их единстве. Противоречие как неизбежный результат мышления, стремящегося проникнуть в сущность вещей, было открыто Кантом. Но Кант видел в этом свидетельство ограниченности человеческого интеллекта. Начиная с Фихте, немецкая философия видит в противоречии творческий принцип; обнаружить противоречие — значит найти пружину развития.

Гегель предугадывает не только суть своей будущей системы, но и внешние ее контуры. Второй его реабилитационный тезис гласит: «Силлогизм есть принцип идеализма». Силлогизм, как известно, имеет трехчленную структуру: две посылки и вывод. Троичность можно обнаружить и в таблице категорий Канта, и в развертывании фихтевского «Я», триада станет стержнем философской системы Гегеля.

В этом смысле следует понимать и третий диссертационный тезис: «Квадрат есть закон природы, треугольник — закон ума». Троичность — принцип развития, а развитие великий диалектик видит только в сфере духовных явлений; природа, по Гегелю, развития не знает. На этой почве в дальнейшем возникнут разногласия между Шеллингом и Гегелем.

Но пока молодой Гегель следует за своим еще более молодым наставником. Вместе они атакуют Канта. «Критическая философия лишена идей и представляет собой несовершенную форму скептицизма». Этот категорически сформулированный диссертационный тезис в дальнейшем найдет развернутое обоснование в целом ряде гегелевских работ. Гегель без труда нащупывает противоречие кантианства: «Постулат разума, выставляемый критической философией, разрушает своим содержанием эту философию и является

принципом спинозизма». Кант, утверждая непознаваемость вещи самих по себе, естественно, отвергал и логические доказательства бытия Бога. Но, изгнав религию в дверь, он пустил ее в окно: оказывается, по Канту, существование высшего существа не нуждается в логических доказательствах, оно постулируется нравственным законом.

Гейне иронизировал по этому поводу: Кант взял штурмом небо, но, увидев неутешное горе своего старого слуги Лампе, разжалобился и возвратил жизнь всевышнему в качестве постулата практического разума; «а может быть, Кант предпринял это воскрешение не только из-за старого Лампе, но из-за полиции? Или он в самом деле сделал это по убеждению? Уничтожая все доказательства бытия божьего, не хотел ли он тем самым показать нам, как неудобно ничего не знать о существовании Бога? Он поступил здесь почти столь же мудро, как один мой приятель-вестфалец, который разбил все фонари на Грондерштрассе в Гёттингене и, стоя в темноте, держал перед нами длинную речь о практической необходимости фонарей, каковые он разбил лишь с той теоретической целью, чтобы доказать нам, что мы без них ничего видеть не можем...».

Заканчивались тезисы двумя несколько рискованно сформулированными положениями: «Доблесть несовместима с невинностью как поступков, так и переживаний», «Вполне совершенная нравственность противоречит доблести». А перед этим было сказано: «Естественное состояние не является несправедливым, и именно поэтому из него необходимо выйти». Не добро и справедливость, а зло и неравенство являются орудием прогресса, — философ явно освобождался от утопических иллюзий молодости.

Что касается планет, то им был посвящен один-единственный (пятый) тезис: «Как магнит есть рычаг природы, так тяготение планет и солнца есть маятник природы». Подробно свое астрономическое кредо Гегель изложит в диссертации. Диспуту он постарался придать философскую направленность.

В качестве респондента, которому вменялось в обязанность отстаивать идеи соискателя, выступил студент Карл Шеллинг, брат профессора, в качестве оппонентов — профессор Шеллинг, профессор Нитхаммер, студент Шварцотт.

Гегель, как испокон веку положено в аналогичных случаях, не скупился на благодарности, особенно в отношении своего главного оппонента. Его слова звучали бы весьма высокопарно и льстиво, если бы произносились не по-латыни. «Прошу тебя, муж мудрейший из мудрейших, достойнейший

господин профессор Шеллинг: все, что не находит твоего одобрения в наших тезисах, скажи здесь публично, ибо для того этот диспут, чтобы у тебя поучиться. Нет надобности говорить о том, сколь приятно мне видеть твою поддержку. Ни современники, ни даже друзья, одни только потомки, одна только наука, которой несть конца, смогут по достоинству оценить благородную силу твоего ума, твои душевные качества. Да будет позволено мне восславить тебя как истинного философа».

Гегель говорил о своей радости по поводу того, что господин проректор и господин декан украсили своим присутствием этот торжественный для него акт, благодарил августейшего монарха за покровительство наукам, благодарил факультет и всех собравшихся за внимание к его труду.

Габилитационный диспут, в результате которого магистру философии Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю было предоставлено право читать лекции, состоялся 27 августа 1801 года, в тот день, когда ему исполнился тридцать один год.

После защиты Гегель садится за диссертацию. В его распоряжении была обширная рукопись по астрономии, написанная, по-видимому, еще до приезда в Йену. Ее нужно было сократить и перевести на латинский язык.

Проходит месяц, однако диссертация на факультет не представлена. О ней как будто забыли. Заведующий кафедрой логики и метафизики знакомый нам Хеннингс визирует лекционный план Гегеля. Потом вдруг спохватывается (видимо, это произошло не без участия недругов вюртембержца). 18 октября он пишет возмущенное письмо декану: «Я не знал, что господин доктор Гегель до сих пор еще не представил диссертации, поэтому поставил свою визу»⁷; Хеннингс требовал немедленно принять меры: «Вы можете без церемоний аннулировать лекционный план Гегеля, потому что все достигнуто хитростью»⁸. В тот же день на столе декана появляется брошюра «Об орбитах планет. Философская диссертация».

Диссертация, как и другие работы Гегеля того периода, выдержана в критических тонах. Ее пафос — обличение механицизма и эмпиризма, носителем которого Гегель считает Ньютона. Английскому физика Гегель противопоставляет Кеплера, который, как кажется Гегелю, не расчленяет природу, а старается осмыслить ее как некое целое. Современному читателю многое из того, что утверждает Гегель, может показаться просто комичным. Беда механики, по мнению молодого философа, в том, что «она ничего не смыслит в Боге». Гегель убежден, что тяжесть, под влиянием которой

камень падает на землю, совершенно отлична по своему характеру от той, которая действует в звездах и особенно в небесных телах, принадлежащих нашей солнечной системе и отнюдь не падающих на Землю. По поводу яблока, которое навело Ньютона на мысль о всемирном тяготении, он говорит, что это дурное предзнаменование, ибо яблоки уже дважды послужили началом бедствия — для всего человечества (яблоко Евы) и для народа Трои (яблоко Париса).

В свое время Сократ отвлек внимание философии от изучения неба и приковал ее к земному, к человеку. Теперь для философии наступила пора вознестись к небесам и познать законы, управляющие движением светил. В частности, философия может быть полезной в решении одной спорной проблемы. Речь идет о закономерности, идея которой высказана астрономом Тициусом. Если взять ряд чисел — 0, 3, 6, 12, 24 и т. д. и прибавить к каждому из них число 4, то, согласно Тициусу, мы получим числа, выражающие относительные расстояния планет от Солнца. Этот эмпирический закон, казалось, получил подтверждение после открытия Гершелем в 1781 году планеты Уран. Опираясь на закон Тициуса, астрономы высказывали предположение, что между Марсом и Юпитером должна быть не открытая еще планета. Поиски ее начались сразу же после открытия Урана. Гегель считал их бесплодными, а сам закон Тициуса в силу его чисто эмпирической природы не соответствующим действительности. Он предложил пользоваться другой закономерностью, восходящей к пифагорейцам, — 1, 2, 3, 4, 10, 16 и т. д. «Если этот ряд более соответствует истинному порядку природы, — писал Гегель в диссертации, — чем вышеупомянутая арифметическая прогрессия, то ясно, что между четвертым и пятым местом имеется большой незанятый промежуток и что там нечего искать планету»⁹. Между тем уже 1 января 1801 года астроном Пиаци в обсерватории Палермо открыл первую из числа малых планет — Цереру, расположенную между Марсом и Юпитером. Впоследствии это обстоятельство послужило поводом для многочисленных шуток и даже нападок на диалектику Гегеля.

Недоразумение возникло, по-видимому, в результате того, что Гегель при написании диссертации пользовался черновой рукописью, привезенной в Йену, то есть написанной до открытия Пиаци. Знал ли он об этом открытии, когда в октябре представил диссертацию на факультет? Трудно сказать. Могло ли несоответствие теоретических положений эмпирическим данным обескуражить философа, быть причиной того, что он задерживал подачу своей работы? У нас

нет оснований для категорического суждения. Тем более что в декабре 1801 года он пишет доктору Хуфнагелю о своем намерении послать экземпляр диссертации, не делая при этом никаких оговорок относительно ее содержания.

В том же письме к Хуфнагелю Гегель сообщал о том, что совместно с Шеллингом он приступает к изданию «Критического журнала философии», задача которого — «положить конец псевдофилософскому безобразию». Оружие, которое предполагалось пустить в ход, Гегель называл «дубинка, бич, колотушка»¹⁰. Для доброго дела и во славу божию может пригодиться все что угодно!

Планы создания нового журнала возникли давно. Издатель Котта первоначально хотел видеть во главе его Шеллинга и Фихте; предполагалось также участие братьев Шлегель. Однако Шеллинг решил разделить руководство с Гегелем. Оба являлись не только редакторами, но фактически и авторами всех шести увидевших свет номеров (три номера составляли том). Статьи публиковались без подписи, поэтому до сегодняшнего дня нет окончательной ясности относительно доли участия обоих философов в той или иной работе.

Первый номер появился в самом начале 1802 года. Он открывался статьей Гегеля и Шеллинга «О сущности философской критики», которая излагала программу журнала. Авторы удручает состояние философии после Канта: критицизм подорвал веру в авторитеты, самостоятельность мышления достигла такой степени, что для философа становится зазорным называть себя последователем уже существующей теории. Каждый изобретает свою систему. Между тем Гегель теперь уже твердо убежден в этом, истина едина и единственна, как и красота. «Есть только *один* разум, поэтому и философия только *одна*, и лишь *одной* она может быть»¹¹. Наличие разных философских направлений — печальный плод несовершенства ума, неадекватности познания. Идея истинной философии присутствует в любом учении в той или иной мере: в какой именно — должна выяснить философская критика. Другая ее задача — установить, насколько истина «приобрела характер научной системы». Отсутствие системности мышления — это признак души, слишком опрометчивой, чтобы уберечься от грехопадения, но и лишенной мужества, чтобы довести свой грех до искупления.

Философская критика должна ополчиться против тех, кто заключает идею философии в скорлупу личных вкусов или ошибочных принципов. Одно дело индивидуальность,

которая способствует выявлению объективной идеи, другое — субъективизм, уродующий истину. Подлинное бедствие в философии — словоблудие. Усвоив научную терминологию, оно добивается широкого распространения, ибо кажется невероятным, чтобы за огромным количеством шелухи не обнаружилось бы никакого рационального зерна.

Есть еще один враг философского мышления — «неуклюжий эмпиризм», пытающийся примирить с философией «здравый смысл», обыденное сознание. Между тем «здоровому смыслу» мир философии всегда представляется как мир наизнанку «с псевдофилософским безобразием»¹².

Статья заканчивалась призывом к бескомпромиссной борьбе с противниками. Гегель и Шеллинг не желали рассматривать их в качестве равноправной философской партии. Признать противника партией — значит отказать себе во всеобщности, то есть показать свое ничтожество.

Такова программа «Критического журнала философии». Беспощадная борьба, и никаких компромиссов, никакого сосуществования взглядов. Истина едина и единственна! Но прежде чем воздвигнуть ее здание, нужно очистить строительный участок. Гегель и Шеллинг ретиво принимают за дело.

Первый удар Гегеля приходится по довольно поверхностной голове. Статья называется: «Как здравый человеческий рассудок относится к философии — изображено на примере сочинений Круга». Ровесник Гегеля, адъюнкт философского факультета в Виттенберге, автор трех скучнейших книг Вильгельм Траугот Круг являл собой пример того псевдореторического словоблудия, о котором шла речь в программной статье. Гегелю вполне достаточно одной иронии, чтобы расправиться с противником.

Другой раз «критическая колотушка» опускается на голову Г. Э. Шульце, писавшего под именем древнего скептика Энезидама. В статье «Отношение скептицизма к философии. Изображение его различных модификаций и сравнение новейшего с древним» Гегель изобличает догматический характер скептицизма Шульце. Это «ублюдок скептицизма», не заключающий в себе тех благородных черт, которые составляли суть античного скепсиса. Поэтому Шульце не имеет права ссылаться на настоящего Энезидама. Древний скептицизм был направлен против мнимой достоверности чувственного восприятия, на которую пытается опереться Шульце. То, что новый Энезидем считает самым надежным, по мнению старого Энезидама, совершенно не заслуживало доверия.

Следующая статья в «Критическом журнале философии» — «Вера и знание, или Рефлексивная философия субъективности в совершенной своей форме как философия Канта, Якоби и Фихте» посвящена полемике с тремя указанными мыслителями. Все три системы так или иначе ставят веру выше знания. Для Гегеля на передний план все более выдвигается проблема науки. В его системе философия займет более высокое место, чем религия.

Здесь коренится зародыш разногласий, которые скоро разведут пути Шеллинга и Гегеля. Для первого и в эти годы высшая сфера духовной деятельности — искусство, затем это место займет религия. Гегель приехал в Йену с убеждением в превосходстве религии, но теперь он отводит первое место философии. Истина дается через интуицию — позиция Шеллинга; истина — научная система, Гегель все более утверждает в этом мнении. Гегель в гносеологии демократ: «Философия как наука разума предназначена для всех. Не все достигают ее, но это уже другое дело, ведь не все люди становятся князьями. В том, что одни люди возвышаются над другими, возмущает лишь утверждение, будто эти люди отличаются по своей природе»¹³. Эта запись в черновиках красноречиво свидетельствует о новой позиции Гегеля.

И в еще одном важном пункте расходятся друзья — в своем отношении к государству. Шеллинг, подобно Канту, видит в этом социальном институте необходимое зло; люди отчуждают в пользу государства часть своих прав, но без него, находясь в состоянии анархии и вражды, они жить не могут. Точно так же и отдельные государства не смогут бесконечно находиться в состоянии взаимных столкновений, решаемых силой оружия. Как люди силой необходимости объединялись в государство, так и государства аналогичным образом вынуждены будут создать союз, «ареопаг народов», для повсеместного распространения принципов мира и права.

Еще несколько лет назад Гегель разделял эту точку зрения. Теперь он уже думает иначе. Новая концепция сформулирована в его пятой статье, появившейся на страницах «Критического журнала». Статья называется «О научных способах исследования естественного права, о его месте в практической философии и отношении к науке о положительном праве»; она содержит не только критический разбор чужих точек зрения, но и изложение собственной программы. Гегелю кажется, что он нашел искомое гармоническое единство между всеобщим и единичным в поведении человека. Здесь впервые философ формулирует свое понятие нравственности, которая есть «чистый дух народа».

Народ, Гегель повторяет Аристотеля, существует раньше, чем отдельный человек. Быть нравственным — значит жить согласно нравам своего народа, своей страны, своего государства. Государство есть нравственный организм. Здоровье этого организма призвана поддерживать война. «Подобно тому, как движение ветров не дает загнивать озерам, что с ними случилось бы при длительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое неизменно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира»¹⁴.

У Шеллинга от подобных слов волосы вставали дыбом, но спорить с Гегелем, непоколебимо убежденным в своей правоте, было бесполезно. В мае 1803 года они расстались, одновременно перестал выходить «Критический журнал». Шеллинг уехал в Баварию, где был обласкан двором. Он быстро шагал по лестнице славы. Гегель не поспевал за ним. Первые годы после отъезда Шеллинга Гегель поддерживал с ним приятельские отношения, они переписывались, но дело шло к разрыву, который наступил после появления «Феноменологии духа».